
М.Ю. Сорокина, Н.Ю. Стоюхина

К БИОГРАФИИ ИСТОРИКА
НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ТОЛЛЯ (1894–1985):
НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ

Семинарий / Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге (Чехословакия) по праву считается самым успешным международным гуманитарным проектом российской научной эмиграции 1920–30-х гг. Несмотря на весомость научных достижений его сотрудников во многих областях истории, археологии и искусствоведения, авторитет и влияние всей институции в международном научном сообществе, до сих пор не существует научной монографии, анализирующей деятельность Семинария на основе всей совокупности документов, сосредоточенных в архивах Москвы, Праги, Нью-Йорка и многих других архивохранилищах различных стран. Уже опубликованные исследования, как правило, базируются на отдельных собраниях документов¹. При этом у историков нет согласия в определении даже таких базовых фактов, как, например, кто был основателем и / или руководителем Семинария / Института в разные периоды его истории.

Так, в недавно опубликованной работе чешский историк Ю. Янчаркова утверждает, что «Чехословакия и Россия, Европа и Америка обязаны возникновением научного объединения мирового значения» первому директору Археологического института имени Н.П. Кондакова «профессору» Александру Петровичу Калитинскому (1880–1946) и что его имя «незаслуженно забыто как на родине, так и в изгнании»². Российский историк М.В. Ковалев согласен с чешской исследовательницей, что «главой Семинария стал крупный специалист в области византиноведения и древнерусской археологии А.П. Калитинский, бывший профессор Императорского Московского археологического института»³. Между тем другие

¹ См. например: *Беляев С.А.* Из истории становления Семинария имени академика Н.П. Кондакова в Праге // *Русская эмиграция в Европе. 20–30-е годы XX века.* М., 1996. С. 3–34; *Иванов И.А.* Русские византилисты в эмиграции // *Вестник Инженерно-экономического университета в СПб. Сер. Гуманитарные науки.* 2009. № 4. С. 222–228; *Письма А.П. Калитинского в Семинарий им. Н.П. Кондакова* / публ. В.А. Росова // *Ариаварта: Историко-научный, литературно-философский журнал.* СПб., 1997. Вып. 1. С. 227–272; *Росов В.А.* Семинариум Кондаковианум: Хроника реорганизации в письмах (1929–1932). СПб., 1999; *Riha T.* Russian Emigré Scholars in Prague After World War I // *The Slavic and East European Journal.* 1958. Vol. XVI. № 1. P. 22–26; *Rhineland L.H.* Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // *Canadian Slavonic Papers.* 1974. Vol. XVI. № 3. P. 334–335; и др.

² *Янчаркова Ю.* «Теперь же, уходя в небытие...»: Письма А.П. Калитинского и М.Н. Германовой сотрудникам Археологического института им. Н.П. Кондакова княгине Н.Г. Яшвилль, Д.А. Расовскому, Н.П. Толлю // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике.* Praha. 2007. С. 159.

³ *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940-е годы). Саратов, 2012. С. 142.

специалисты считают отцом-основателем Семинария наряду с Калитинским историком Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973) и даже княгиню Наталью Григорьевну Яшвиль (1861–1939)⁴. Сам же А.П. Калитинский признавался в марте 1935 г. в письме княгине, что «не мог бы <...> ровно ничего осуществить без тех двух Николаев, которые и есть на самом деле создатели всего дела»⁵, т. е. без Николая Михайловича Беляева (1899–1930) и Николая Петровича Толля (1894–1985).

Документированные биографические данные участников Семинария, которые до последнего время как-то ускользали от внимания исследователей, могут многое подсказать для изучения его происхождения. Так, например, для понимания профессиональной карьеры и роли А.П. Калитинского в научной жизни Праги небезразличен тот факт, что он вообще не имел высшего гуманитарного образования (окончил естественное отделение физико-математического факультета Новороссийского университета в Одессе (1907)⁶. Дореволюционная профессиональная биография Калитинского скромна — на протяжении многих лет он служил преподавателем математики и естественной истории в частных женских гимназиях, и только в мае 1910 г., в возрасте 30 лет, стал слушателем археологического отделения Императорского Московского археологического института имени Николая II (МАИ). Стоит заметить, что МАИ был учрежден за три года до поступления туда Калитинского и являлся, как бы мы сказали сегодня, институтом «второго образования» для членов научных обществ, губернских ученых архивных комиссий и т. п., сочетая в себе функции высшего учебного заведения, научно-исследовательского учреждения и научного общества. В 1915 г. А.П. Калитинский был избран на должность преподавателя МАИ по кафедрам бытовой и первобытной археологии. Однако его научные публикации или археологические экскурсии этого периода неизвестны; скорее всего, их и не было. Зато был значительный опыт светской жизни, чему в немалой степени способствовал его брак с актрисой Московского Художественного театра М.Н. Германовой⁷. К июлю 1923 г., когда 43-летний А.П. Калитинский появился в Праге, у него за плечами был еще и период антрепренерской деятельности и коллективного выживания в условиях Гражданской войны, но отнюдь не научной практики и преподавания, тем более в профессорском статусе. В отличие от Калитинского, Г.В. Вернадский окончил историко-филологический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени еще в 1910 г., осенью 1913 г. был избран приват-доцентом Санкт-Петербургского университета и, что самое важное, опубликовал ряд заметных научных трудов, в том числе остающуюся актуальной по сей день магистерскую диссертацию «Русское масонство в царствование Екатерины II» (Пг., 1917). Даже годы Гражданской войны Вернадский провел в преподавании различ-

⁴ См., например: *Rhineland L.H.* Exiled Russian Scholars in Prague... P. 334–335.

⁵ *Янчаркова Ю.* «Теперь же, уходя в небытие...». С. 186.

⁶ Центральный государственный архив города Москвы. Центр хранения документов до 1917 г. (ЦГАМ. ЦХД до 1917). Ф. 376. Оп. 2. Д. 65.

⁷ См.: *Германова М.Н.* Мой ларец с драгоценностями: Воспоминания. Дневники / сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. И.Л. Корчевниковой. М., 2012.

ных исторических дисциплин в Пермском и Таврическом университетах, исполняя должности профессора⁸. По сравнению с другими участниками Кондаковско-го семинария сорокалетний Вернадский имел репутацию достаточно известного академического ученого, к тому же в силу семейных связей (отец — академик В.И. Вернадский) вполне интегрированного в академическую среду.

Упомянутым выше «двум Николаям» — Беляеву и Толлю — было соответственно 23 года и 28 лет, когда они приехали в Прагу в 1922 г. Оба боевые офицеры, они не имели высшего образования и обладали совершенно разным социальным и профессиональным опытом до эмиграции. Но их объединяла воля и энергия молодых людей, прошедших через самые кровавые события Гражданской войны, неоднократно раненых и сумевших не только выжить физически и морально, но и найти свое призвание и место в новой реальности.

В отличие от Н.М. Беляева, которому посвящена небольшая литература⁹, Николай Петрович Толль, фактический директор Археологического института имени Н.П. Кондакова до 1948 г., принадлежит к числу тех ученых, имена которых регулярно упоминаются в научной литературе¹⁰, но чья биография остается почти неизвестной, а потому и нередко и мифологизированной, даже в ключевых пунктах. Так, например, новейшая литература утверждает, что в США, куда Толль уехал в 1939 г., он занимал кафедру иранистики в Йельском университете¹¹, что бесконечно далеко от реальных обстоятельств непростой судьбы русского эмигранта.

В послевоенной научной жизни и карьере Николая Толля ключевую роль сыграли три академика — Н.П. Кондаков (1844–1925), М.И. Ростовцев (1870–1952) и В.И. Вернадский (1863–1945). Первый из них, Н.П. Кондаков, точно определил потенциал научной одаренности и исследовательский профиль Толля: он «публично хвалил его в своем Семинарии, сказав, что у него данные настоящего ар-

⁸ См.: *Селянинова Г.Д.* Г.В. Вернадский в Пермском университете: 1917–1918 годы // Вестник Пермского университета. 2012. Сер. История. Вып. 2 (19). С. 115–124; «У русских ученых хватит энергии и воли к возрождению русской науки и культуры в возрождающейся России»: Отец и сын Вернадские в Крыму в годы Гражданской войны: 1919–1920 / публ. С.Б. Филимонова // Отечественные архивы. 2004. № 4. С. 102–111.

⁹ *Беляев С.А.* Из истории становления Семинария...; *Росов В.А.* Семинариум Кондаковичанум...; *Он же.* От Новороссийска до Зайчар: Воспоминания русского беженца / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. С.А. Беляева // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. СПб., 2005. С. 183 и др. Некролог см.: *Byzantion*. 1931. Т. 6. P. 517–518 (авт. Grabar A.).

¹⁰ См., например: *Паушто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 175; Скифский роман / под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997; Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии, 1918–1945. Прага, 2008. С. 95–97; Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 3: Востоковедение. XIX — первая половина XX в. / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011. С. 195; *Andreyev C., Savicky I.* Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven; L., 2004; *Hopkins C.* The Discovery of Dura-Europos. New Haven, 1979; *Vzpomínky. Deníky. Vyprávění: (Ruská emigrace v Československu) / kolektiv autorů pod vedením L. Běloševské.* Pr., 2011; и др. Недавно появилась персонально посвященная Н.П. Толлю статья: *Drbal V.* Archäologe Nikolaj Petrovič Toll und seine Rolle bei den Ausgrabungen in Dura-Europos (Syrien) // *Byzantinoslavica* (Praha). 2008. LXVI. 1/2. S. 53–70.

¹¹ См.: *Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934 / сост. В.П. Волков. М., 2001. С. 19; Дом в изгнании... С. 96.

хеолога, ибо он видит, понимает, чувствует материал, так как археология — наука о материальных вещах, а не об отвлеченных, духовных проблемах»¹². Тонко определенное академиком «чувство материала» сыграло главную роль в том, что на многие годы «Ник» стал ближайшим помощником академика М.И. Ростовцева по археологической экспедиции Йельского университета в Дура-Эуропас (Сирия) и в дальнейшем переехал в США. Но конечно, важнейшей составляющей биографии Николая Толля стало его вхождение в дружную семью Вернадских, обладавших значительными связями и весомым научным и моральным авторитетом в научном сообществе. В январе 1926 г. он женился на дочери академика Нине (1898–1986), 9 мая 1929 г. у четы родилась дочь Татьяна, ставшая единственной внучкой академика.

Близкий друг семьи Вернадских профессор В.К. Агафонов (1863–1955) оставил весьма выразительный портрет Н.П. Толля этих лет: «Николай Петрович по натуре грубоват и самоуверен, да и воспитание было у него, должно быть, “неважное”, но Ниночку он любит по-настоящему, хоть и по-своему, несколько по-мужицкому, например, работу ее на него (не только по хозяйству) считает ее обязанностью. Но это все ничего: все покрывается ее большой любовью; да и у него, повторяю, к ней хорошее, крепкое чувство. Сам же он по себе все же человек хороший, способный вообще и чрезвычайно работоспособный, энергичный и инициативный. Главный его недостаток — нетерпимость и самоуверенность. Жизнь, может быть, обломает и эти углы»¹³. В этом описании привлекает внимание указание на «мужицкость», которая как-то не вяжется со стереотипным образом рафинированного интеллектуала-искусствоведа с нерусской баронской фамилией. Наше сообщение посвящено документированию некоторых «русских» эпизодов жизни Николая Толля. Оно основано на архивных материалах, выявленных при содействии А.В. Марыняка, М.М. Горинова-мл., Ю.В. Щепанской, польского историка М. Шимчака (Вроцлав), которым авторы статьи приносят самую искреннюю признательность за большую помощь.

«ОТЕЦ ЕГО — ВОЕННЫЙ...»

О происхождении Николая Петровича Толля до сих пор не было известно ничего. В автокомментариях к своему дневнику академик В.И. Вернадский со слов Толля записал ряд любопытных подробностей о семье своего зятя, послуживших для нас отправной точкой в архивных поисках: «Его мать — Иванова (он не любил о ней говорить и от нее убежал гимназистом в белую армию). Отец его — военный, из обрусевшего шведского рода. Рано его потерял. Николай Петрович мне

¹² Цит. по: Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых: в 2 т. Таллинн, 1996. Т. 1. С. 296. С. 292. Правда, Н.Е. Андреев приехал в Прагу уже после кончины Н.П. Кондакова и передает его высказывания со слов третьих лиц.

¹³ Цит. по: Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. С. 19; оригинал письма: В.К. Агафонов — В.И. Вернадскому. 21 октября 1928 // Архив РАН (АРАН). Ф. 518. Оп. 3. Д. 4^г. Л. 25–25 об.

рассказывал, что, будучи на каком-то археологическом совещании в Гельсингфорсе, ему показывали книгу рода дома Толлей, где был указан и его отец. Надо достать — ветвь Танечки идет этим путем далеко вглубь от XVII века»¹⁴.

Действительно, род графов и баронов фон Толь (von Toll) включен в «Список дворянских родов, внесенных в Рыцарский матрикул Эстляндской губернии», а две дворянские отрасли этого рода — в матрикулы Великого княжества Финляндского. Если следовать «подсказке» академика, то Николай Толль мог бы носить баронский титул, однако официально он никогда не упоминал о своем высоком происхождении и всегда писал два «л» в фамилии (в отличие от одного «л», принятого в России для фамилий графских и баронских родов).

Николай Толль родился 9 (21) ноября 1894 г. в Лодзи (царство Польское). Попытки найти его метрическое свидетельство или запись о крещении через польских коллег к успеху не привели, зато по нашей просьбе А.В. Марыняку удалось обнаружить в Российском государственном военно-историческом архиве послужной список капитана 37-го пехотного Екатеринбургского полка Петра Эбергардовича Толля¹⁵, обстоятельства службы которого давали основание полагать, что он мог быть отцом нашего героя.

Согласно этому списку П.Э. Толль, рожденный 10 августа (ст. ст.) 1855 г., происходил из потомственных дворян Великого княжества Финляндского, православного вероисповедания¹⁶. Большую часть своей армейской службы он провел в 37-м пехотном Екатеринбургском полку, который квартировался в Лодзи (где родился Н.П. Толль). К 1907 г. полк был переведен в Нижний Новгород (Н.П. Толль здесь учился), и, таким образом, топография перемещений капитана П.Э. Толля весьма соответствует известным эпизодам биографии Николая Толля. Послужной список капитана дает и более точные сведения о возможных родственных отношениях Петра и Николая Толлей, совпадающие с данными записи В.И. Вернадского: в нем указано, что Петр Толль был женат на дочери отставного инженерного полковника Иванова, девице Марии Николаевне, и имел приемного сына Николая, усыновленного по решению Петроковского окружного суда от 14 февраля 1897 г. Жена и приемный сын вероисповедания православного.

Невозможно однозначно сказать, был ли Николай Толль биологическим сыном Петра Эбергардовича или усыновление только сопутствовало каким-либо семейным тайнам. Но отметим, что в 1905 г., т. е. при жизни Петра Толля, Департамент герольдии Правительствующего сената выдал свидетельство, что «сыну его, Николаю, дозволено пользоваться званием и правами личного почетного гражданина»¹⁷. И не более.

¹⁴ Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. С. 382.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 14217 (п/с 2350 (1907)). Послужной список составлен 19 января 1907 г.

¹⁶ Он окончил Полоцкую военную гимназию и Варшавское пехотное юнкерское училище. В сентябре 1871 г. зачислен в 37-й Екатеринбургский пехотный полк, где прослужил всю жизнь, пройдя путь от портупей-юнкера до капитана. Скончался от грудной жабы 9 августа 1906 г., находясь в отпуску. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 14217 (п/с 2350 (1907)).

¹⁷ Там же.

ОТ НИЖНЕГО ДО АФИН

Семья Толль переехала в Нижний Новгород, по-видимому, вслед за перемещением туда 37-го Екатеринбургского полка. В списках учащихся Нижегородской губернской 1-й мужской классической гимназии имя Николая Толля впервые появляется в 1912/13 учебном году¹⁸.

Эта самая престижная в городе гимназия располагалась в центре, на Благовещенский площади, и имела более чем столетнюю историю. Когда-то на ее месте была усадьба вице-губернатора Нижнего Новгорода В.П. Елагина, в 1801 г. двухэтажный флигель на углу Тихоновской улицы заняло Главное народное училище, трехэтажный дом в центре — Приказ общественного призрения, а во флигеле на Варварской расположился трактир. В 1808 г. все три здания были переданы губернской всесословной мужской гимназии. После ревизии гимназии, проведенной в 1835 г. комиссией во главе с ректором Казанского университета Н.И. Лобачевским (1792–1856), министр народного просвещения граф С.С. Уваров (1786–1855) потребовал от властей города соединить три здания в одно, что и было исполнено к 1840 г. В дальнейшем, в 1904 г., по проекту инженера Е.А. Татарина по Тихоновской улице был пристроен трехэтажный корпус в стиле раннего декоративного модерна.

Среди известных учеников и выпускников гимназии были писатели П.Д. Боборыкин и П.И. Мельников-Печерский, поэт Б.А. Садовской, философы В.В. Розанов и С.Л. Франк, математик А.М. Ляпунов и его брат музыкант С.М. Ляпунов, китаевед академик В.П. Васильев, композитор М.А. Балакирев, химик-органик академик А.Е. Фаворский, недолго учился здесь и будущий первый большевистский глава России Я.М. Свердлов. В 1863–1869 гг. в гимназии преподавал И.Н. Ульянов (1831–1886), отец будущего лидера большевиков В.И. Ленина, о чем и сейчас напоминает мемориальная доска. Состав преподавателей гимназии был сильным. Считалось, что здесь ярче выражено гуманитарное образование, уровень которого поддерживался группой выпускников Московского университета — от директора гимназии, действительного статского советника Ильи Семеновича Баранова¹⁹ до классного наставника Н.П. Толля, преподавателя древних языков, статского советника А.В. Надеждина и учителя немецкого языка Э.Ф. Гейне. Французский язык преподавала женщина — А.Н. Коптева²⁰.

Имя Николая Толля впервые зафиксировано в «Ведомостях об успехах, внимании и прилежании учеников VI класса основного отделения» за 1912/13 учебный год²¹. Этот год он окончил с неплохими оценками: Закон Божий — 5; все остальные предметы (русский, немецкий, французский языки и латынь, алгебра и геометрия, физика, история) — 4. Однако уже в отчете за I полугодие

¹⁸ См.: Центральный архив Нижегородской области. Ф. 520. Оп. 478. Д. 1537. Л. 72–104.

¹⁹ Его сын Николай Ильич Баранов (1887–1981) стал известным энтомологом, в эмиграции — научный сотрудник Института паразитологии и ветеринарного факультета Загребского университета. После Второй мировой войны жил в Пакистане, с 1962 г. — в Великобритании.

²⁰ См.: ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 1562. Л. 14.

²¹ См.: Там же. Д. 1537. Л. 72–104.

1914/15 учебного года классный наставник Толля А.В. Надеждин отмечает его успехи как невысокие. Впрочем, в этом классе, состоявшем из 37 учащихся, неуспевающих было девятнадцать человек! Из них тринадцать имели по одной двойке. Среди них — Николай Толль, а «неудовлетворительно» он имел по французскому языку. Что-то не складывалось у него с учительницей... Между тем в течение выпускного VIII класса оценки Толля не так уж плохи: он неизменно получал 5 по Закону Божию и истории, а по остальным предметам имел 4, лишь по физике 3. Средний балл аттестата, как пишет Надеждин, получался у него всего лишь 3,9, в итоге — восемнадцатое место в классе.

Гимназию Николай Толль оканчивал, когда уже началась Первая мировая война и была объявлена всеобщая мобилизация. 25 февраля 1915 г. в гимназию пришла официальная бумага из Нижегородского уездного по воинской повинности присутствия о необходимости явки к исполнению воинской повинности воспитанников гимназии, поименованных на обороте. Среди семи фамилий было и имя Толля. В сентябре того же года гимназия выдала ему удостоверение для представления в Константиновское артиллерийское училище в Петрограде²², учиться в котором и отправился Н.П. Толль. С осени 1914 г. это училище, как и все другие военно-учебные заведения, перешло на ускоренную 6–8-месячную программу подготовки офицеров-артиллеристов. Таким образом, поступив осенью 1915 г., Николай Толль мог окончить училище уже к середине 1916 г. с чином прапорщика. Документы о его военной службе за эти годы пока не обнаружены, но и нередко приводимые в биографиях Толля сведения о том, что в 1916–1917 гг. он учился на историко-филологическом факультете Казанского университета, своего подтверждения в архиве университета не находят.

Интересно, что почти одновременно с Николаем Толлем в Константиновском артиллерийском училище учились и уже упоминавшийся будущий кондаковец Николай Михайлович Беляев, и знаменитый в будущем лингвист Борис Генрихович Унбегаун (1898–1973). Беляев также происходил из семьи потомственных военных, но в отличие от Толля он успел в 1916 г. поучиться на первом курсе историко-филологического факультета Петроградского университета, где занимался, однако, не у антиковедов и византистов (М.И. Ростовцева, Н.П. Кондакова и др.), а в семинаре известного историка, профессора Н.И. Кареева по истории Великой французской революции²³. Несмотря на близость курсов, Толль и Беляев, по-видимому, не пересекались в Константиновском училище. После его окончания Толль отправился служить в Кавказскую армию, а Беляев ввиду расформирования училища сразу после Октябрьского переворота в Петрограде (1917), как и многие юнкера-константиновцы, отправился на Дон. Считается, что именно Константиновское училище дало Белому движению на юге России наибольшее среди прочих военно-учебных заведений России число добровольцев — около 200 юнкеров прибыло на Дон осенью — зимой 1917–1918 гг. Первое время Николай Беляев воевал в первом белом партизанском отряде казачьего полковника

²² См.: Там же. Д. 1717. Л. 6 об.

²³ См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 68845.

В.М. Чернецова, чья эпопея описана в романе М. Шолохова «Тихий Дон» и в очерках известного казачьего поэта Николая Туроверова. После гибели полковника в конце января 1918 г. Беляев стал участником 1-го Кубанского (Ледяного) похода в рядах Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова, пройдя с жестокими боями от Ростова-на-Дону до Екатеринодара, был тяжело ранен и награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Участником этого же знаменитого похода был и Н.П. Толль. В составе 1-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона он оставался в Кавказской армии до января 1918 г., а затем в составе уже Добровольческой армии прошел все 80 дней похода и был удостоен первой награды Белого движения — знака отличия Ледяного похода 1-й степени. Число награжденных этим знаком было всего 4–5 тыс. человек, знак Н.П. Толля имел № 508. В последующие годы, до эвакуации Крыма в ноябре 1920 г., Толль воевал в бронепоездных частях Вооруженных сил Юга России и Русской армии, дослужившись до чина подполковника артиллерийского дивизиона²⁴, в составе которого с ноября 1920 по сентябрь 1921 г. находился в Галлиполи (Турция), а затем выехал в Афины (Греция).

Ставшие недавно доступными письма Н.П. Толля Г.В. Вернадскому, хранящиеся в Бахметевском архиве Колумбийского университета США, показывают, что уже в 1921 г. будущие коллеги и родственники были хорошо знакомы (вероятно, через Бориса Федоровича Ромберга). Однако афинская жизнь Толля была наполнена отнюдь не изучением греческих древностей, а тяжелой физической работой на газовом заводе²⁵. Вероятно, именно Георгий Вернадский помог бывшему офицеру-артиллеристу перебраться в ноябре 1922 г. в Прагу, где и началась новая, личная и научная, жизнь Николая Толля. Здесь он окончил философский факультет Карлова университета (1926/27) и стал одним из основателей, а затем и директором Археологического института имени Н.П. Кондакова и полностью посвятил себя научной работе. Уже в 1928 г. Толль опубликовал две небольшие, но до сих пор цитирующиеся научные монографии — «Скифы и гунны. Из истории кочевого мира» и «Коптские ткани», причем первую из них — в Евразийском издательстве. Историк Н.Е. Андреев вспоминал, что евразийские увлечения сказались даже на том, что в доме Толля «по восточному обычаю не было мебели <...> так что все сидели на циновках и каких-то неудобных подушках»²⁶.

«ДИТЯ ВСЯКИХ ЭВАКУАЦИЙ, БОЛЬШЕВИКОВ, ПЕРЕВОРОТОВ...»

Отмеченные Николаем Андреевым непривычность и неудобность домашнего интерьера Н.П. Толля были не только физически-телесными, но скорее метафизическими, зримо олицетворявшими ту потерю привычного строя жизни и быта, которую пришлось пережить сотням тысяч русских беженцев в начале 1920-х гг.

²⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 74. Л. 20.

²⁵ См.: Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (BAR). George Vernadsky Collection. Box 230, 232.

²⁶ Андреев Н.Е. То, что вспоминается... С. 296.

Дочь академика В.И. Вернадского Ниночка, приехавшая с родителями в Прагу летом 1922 г. и ставшая, в отличие от них, «невозвращенкой», очень точно выразила это ощущение целого поколения беженской молодежи в письме к жене брата, так же Нине Вернадской: «Я <...> дитя всяких эвакуаций, большевиков, переворотов, бегств, и отвыкла от вещей и, главное — от любви к дому, и так страшно ценю это в тебе!»²⁷

Многие молодые беженцы-кочевники Гражданской войны, которые в своей «прошлой» жизни, скорее всего, никогда бы не встретились, в тесноте эмиграции тянулись друг к другу, образовывали небольшие семейные и холостяцкие коммуны, сходились и расходились, и романтические отношения Н.П. Толля с Ниночкой Вернадской продолжались не один год. «И у вас какая-то длительная тягучая история, которая даже и мне не всегда дает радостную надежду и уверенность в будущем», — грустно замечала жена Георгия Вернадского²⁸. Старшие Вернадские — Владимир Иванович и Наталья Егоровна — были не в восторге от романа их единственной и обожаемой дочери²⁹ с человеком совсем другого круга, «мужиком». Впрочем, ранний брак их старшего сына Георгия, который оказался многолетним и очень прочным, тоже поначалу не вызывал одобрения академика. Но старшие Вернадские очень хотели внуков («Мы им не дали этого утешения», — сокрушалась жена Георгия Нина³⁰) и делали все, чтобы романтические отношения Ниночки и Николая Толля переросли в официальный брак. «Тетя Наташенька уморительная, — отмечала все та же «старшая» Нина Вернадская, — когда ей говоришь, как Николай Петрович будет бояться их, она говорит, что она сама также боится, чтобы не помешать чему-нибудь»³¹.

В дневнике она записала летом 1925 г.: «Они все еще неженаты. В Париже беретя хлопотать Носович о разводе»³². Действительно, одним из главных препятствий к оформлению отношений с Н.В. Вернадской был первый брак Н.П. Толля. Как известно, церковный православный брак, за редкими исключениями, считался нерасторжимым, но проблема создания новой семьи в условиях потери связи с оставшимися в России родными касалась многих тысяч русских беженцев, и цер-

²⁷ BAR. George Vernadsky Collection. B. 70.

²⁸ Ibid. B. 76.

²⁹ В одном из писем 1920 г. академик В.И. Вернадский отметил: «Я исключительно счастлив в детях. Моя Ниночка, страшно одаренная — талантливая художница с совершенно особыми филологическими способностями (редкий тип филолога по призванию), с своеобразным самостоятельным умом и чудным сердцем. Мне больно сейчас, что она должна зарабатывать (служит в кооперативе), сапожничать (она никогда не гнушается никакой работы) и только урывками занимается. Дети вышли разные — очень дружные — но сын православный и русский без всяких украинских симпатий, а дочка — украинка, в этой области душевно близкая мне. Не знаю, как сложится ее жизнь, и даст ли возможность судьба развернуться этой оригинальной и своеобразной личности. Для меня она после смерти моей дорогой племянницы Нюты [дочери покойной сестры], которая была мне за дочь, самый близкий человек» (цит. по: История полувековой дружбы / публ. А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 353–425).

³⁰ BAR. George Vernadsky Collection. B. 76.

³¹ Ibid.

³² Ibid. B. 142.

ковь шла им навстречу, помогая обрести такое исключительно важное в изгнании семейное счастье и покой.

В августе 1917 г., перед уходом на фронт, Николай Толль венчался в Алексеевской церкви г. Самарканда с Ольгой Петровной Сыромятниковой, в то время слушательницей московских Высших женских курсов³³. Они познакомились, по-видимому, еще в Нижнем Новгороде, уроженкой которого была Ольга (родилась 28 апреля 1893 г.). Здесь же она окончила в 1912 г. Мариинскую женскую гимназию и в сентябре 1913 г. была зачислена в число слушательниц историко-филологического факультета московских Высших женских курсов, где училась в 1913–1918 гг. Почему и как случилось, что Толль и Сыромятникова венчались в Самарканде, пока остается неизвестным. Скорее всего, стремление поддержать любимого человека помогло девушке добраться до Средней Азии даже в условиях транспортной разрухи революционного 1917 года. Однако, как оказалось, новобрачные виделись там едва ли не в последний раз, ибо с сентября 1917 г. Н.П. Толль находился уже на фронте.

Летом 1925 г., когда многим в Праге уже казалось, что роман Ниночки Вернадской с Николаем Толлем зашел в тупик, помочь им взялась проживавшая в Париже жена академика Вернадского Наталья Егоровна. Она обратилась за содействием в столь деликатном деле, как заочный развод любимого человека собственной дочери, к своему старому знакомому, бывшему сенатору Владимиру Павловичу Носовичу (1864–1936). Известный судебный деятель, обер-прокурор уголовно-кассационного департамента Правительствующего сената, Носович в 1918–1919 гг. возглавлял Управление внутренних дел Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале А.И. Деникине. В эмиграции он жил в Париже, сотрудничая в Бюро защиты прав русских граждан за границей (1921), а с 1922 г. возглавлял Русское юридическое общество и входил в руководящие органы практически всех эмигрантских юридических союзов³⁴. Носович давно и хорошо был знаком с семьей Вернадских и, узнав об их приезде из России в Париж, сразу же написал академику 26 августа 1922 г.: «Глубокоуважаемый Владимир Иванович, после долгих поисков нашел Ваш адрес. Слышал, что Наталья Егоровна с Вами, что Ваша молодежь в Праге. Несказанно хочу Вас видеть»³⁵.

Восстановленная связь оказалась очень полезной для решения вопроса о новом браке Н.П. Толля. 17 июня 1925 г. В.П. Носович сообщал Наталье Егоровне: «Я только что из нашего Епархиального управления. Спешу сообщить Вам о результатах моих переговоров. В настоящее время и развод, и новый брак возможны. Мало того, возможно и при этом за более дешевую цену развести здесь [в Париже] лицо, проживающее в Чехословакии. <...> Что значит Прага? Только то, что прошение подается оттуда, что свидетели допрашиваются там и там же <...> производится публикация. Свидетели должны удостоверить под присягой, что-де супруг или супруга такие-то действительно находятся в безвестном отсутствии.

³³ См.: ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24630; Оп. 6. Д. 17.

³⁴ Последние годы жизни В.П. Носович провел в Белграде (Югославия), где и похоронен на Новом кладбище.

³⁵ BAR. George Vernadsky Collection. B. 73.

Все нужные формы я дам. Нужно, конечно, посмотреть документы, хотя главное только одно: доказать, что брак, о расторжении коего просят, заключен. <...> Самое благоразумное — производить дело из Праги. Там и свидетели есть, здесь их нужно искать, но для этого нужно, чтобы Ваш будущий beau fils [зять, фр.] проявил некоторую энергию. Низкий поклон Владимиру Ивановичу. Сердечно Ваш В. Носович»³⁶.

Благодаря энергичной и действенной помощи В.П. Носовича и Епархиального управления русскими православными заграничными церквями в Европе к концу ноября 1925 г. проживавший в Праге Н.П. Толль получил бракоразводное свидетельство. Его оформление стоило всего 250 рублей пошлины и еще примерно 200 рублей за привод к присяге свидетелей, публикацию объявления и т. п. «О том, как венчаться в Праге, получив духовный развод, — писал В.П. Носович Наталье Егоровне Вернадской, — Николай Петрович знает лучше меня. Низкий поклон Владимиру Ивановичу. Целую Ваши ручки. Непременно побываю у Вас до Вашего отъезда. Сердечно Вам преданный В. Носович»³⁷.

Любопытно, что бракоразводное свидетельство Н.П. Толля не уехало с ним в США, а осталось в Праге и ныне опубликовано В. Гавриным на сайте общественного объединения «Русская традиция» (Чехия):

«Епархиальное Управление Западно-Европейского Митрополичьего Округа Ноябрь 19 дня 1925 года № 2047. Бракоразводное свидетельство. Выдано настоящее свидетельство из Епархиального Управления Западно-Европейского Митрополичьего Округа Николаю Петровичу Толль, в том, что брак его с Ольгой Петровной Толль, урожденной Сыромятниковой, обоих православных и первобрачных, венчанных 17 августа старого стиля 1917 года причтом церкви военного гарнизона Самарканда, расторгнут определением Епархиального Совета от 9 ноября 1925 года по причине установленного безвестного отсутствия жены Ольги Петровны Толль, урожденной Сыромятниковой, с 1917 года и с разрешением Николаю Петровичу Толль вступить в новый, второй, законный, церковный брак. Митрополит Евлогий. Секретарь Аметистов»³⁸.

10 января 1926 г. Нина Владимировна Вернадская и Николай Петрович Толль венчались в Праге в присутствии старших Вернадских, которые почти сразу после этого события вернулись в СССР. Через некоторое время старый друг профессор В.К. Агафонов рисовал почти идиллическую картину общего дома Толлей: «Николай Петрович <...> сделал всю мебель сам и выкрасил в красный цвет, а Ниночка с большим вкусом и талантом разрисовала ее прекрасными цветами и птицами. Удивительно хорошо. Все это, конечно, в евразийском стиле, и мебель вся низенькая и имеет вид какого-то художественного шатра, но мне понравилось»³⁹.

Интересно, что, несмотря, а может быть, и благодаря так мягко прошедшему «заочному» разводу, Ольга Толль еще многие годы сохраняла прямые контакты со

³⁶ Ibid. В. 228.

³⁷ Ibid.

³⁸ Гаврин В. Картинки из жизни эмигрантов // Русское слово. 2008. № 3. URL: <http://www.ruslo.cz/articles/162> (дата обращения 5 декабря 2013 г.).

³⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 4^г. Л. 25–25 об.

всеми представителями семьи Вернадских, с которыми она, по-видимому, была знакома через А.Д. Шаховскую. С начала 1920-х гг. Ольга жила во Владимире на Клязьме, уехав туда к сестре — известному психоневрологу Марии Сыромятниковой, врачу в колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Здесь Ольга Толль стала Ольгой Петровной Владимировой, у нее росли сын и дочь. В довоенные годы она нередко бывала у старших Вернадских в Москве, которые считали ее очень порядочной и милой, помогали в устройстве детей, а Нина Вернадская-Толль из США присылала лекарства для ее сына⁴⁰. Последнее известное письмо Ольги академику В.И. Вернадскому датировано сентябрем 1944 г.

Брак Нины Вернадской и Николая Толля продлился почти шестьдесят лет, большую часть которых они прожили в США, где и скончались, как в сказке — почти в один день. Место их последнего упокоения пока не обнаружено, архив не сохранился⁴¹ — похоже, что супруги целенаправленно не оставили его. С конечной 1 декабря 1999 г. их дочери — Татьяны Николаевны Толль — «академическая» линия рода Вернадских пресеклась.

⁴⁰ См.: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 351; Оп. 7. Д. 131.

⁴¹ За исключением небольшой части семейной переписки, переданной в личный фонд Георгия Вернадского в ВАР.